

СПИСКИ ПОСЛАНИЯ Е. А. БАРАТЫНСКОГО «ГНЕДИЧУ, КОТОРЫЙ СОВЕТОВАЛ СОЧИНИТЕЛЮ ПИСАТЬ САТИРЫ»

Знаменитая сатира Е. А. Баратынского — его послание к Гнедичу, сыгравшая важную роль в литературных взаимоотношениях поэта в 1820-е годы, неоднократно была предметом внимания исследователей. Тем не менее в истории ее создания и распространения и даже в истории текста есть «белые пятна». Начать с того, что нам неизвестен ни автограф, ни авторизованный текст ее ранней редакции, которая собственно одна только и является фактом полемики: позднее послание было переработано. Именно этот текст, с памфлетными пассажами, определял восприятие послания как «сатиры». Между тем он стал известен литературоведам лишь в 1908 г., и в настоящее время источником его являются несколько списков. К спискам этим исследователи и издатели сочинений Баратынского (В. Я. Брюсов, М. Л. Гофман, Е. Н. Купреянова, И. Н. Медведева) обращались постоянно, но до сего времени ни о степени авторитетности каждого из них, ни об истории текста сатиры не существует твердого и единого мнения.

Предлагаемые ниже заметки и наблюдения касаются списков, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и, отнюдь не претендуя на окончательное решение спорных вопросов, имеют целью сообщить некоторые новые данные и соображения и ввести в оборот материалы, в силу тех или иных причин не привлекавшие к себе внимания.

К настоящему времени было известно три списка интересующей нас редакции послания. Два из них хранятся в отделе рукописей Пушкинского Дома. Первый список был обнаружен и опубликован в 1908 г. В. Я. Брюсовым. Текст в нем датирован 1823 г.; по предположению советских редакторов сочинений Баратынского, список сделан также в 1820-е годы.¹ По описанию Брюсова, он находился в составе тетради; сейчас он существует в виде отдельных листков. Второй список дефектный, с обожженными краями и неполный.² Третий список хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; по нему послание было опубликовано М. Гофманом в первом томе собрания сочинений Баратынского в 1914 г.³

Список Брюсова считается обычно самой ранней редакцией. Он имеет еще некоторые особенности, не замеченные прежде и повышающие его ценность. Почерк этого списка не писарский, а индивидуальный и поддается определению. Это почерк Н. Ф. Остолопова — теоретика, критика,

¹ ИРЛИ, р. III, оп. 1, № 511. Ср.: В. Брюсов. Неизданные стихи Е. А. Баратынского. — «Весь», 1908, № 5, стр. 53—58; Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Ред. и комм. Е. Купреяновой и И. Медведевой. Т. 2. Л., «Сов. писатель», 1936 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 247.

² ИРЛИ, 21.211/СХЛVIб.3.

³ Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского, т. I. Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. СПб., 1914, стр. 48.

баснописца, близкого к тому литературному кругу, который явился прямым объектом сатиры Баратынского, — к кругу «Благонамеренного» во главе с А. Е. Измайловым. Опознать руку Остолопова нетрудно при сличении списка с сохранившимися автографами. Дополнительные подтверждения этой атрибуции дает сам список. Содержащееся в нем примечание к тексту сатиры (о котором пойдет речь ниже) подписано инициалом «О.»; на обороте же последнего листа той же рукой записана басня Остолопова «Осел и камень». Приводим ее текст, подписанный «Н. О.» и имеющий весьма симптоматичные отличия от печатного:

Осел и камень

(Басня, не пропущенная С.-Петербургскою цензурою в 1823 году)

«Умен и терпелив! толкал его и бил —
Не охнул! — так Осел о Камне говорил.
— Вот скотник наш мне кажется скотиной:
Я давиче того чуть-чуть пошевелил, —
А он меня дубиной!».
О люди-камушки! вас больше любит свет:
Глушцы тиранят вас, а вам и горя нет!

Печатаемая басню в 1827 г. в сборнике «Апологические стихотворения», Остолопов совершенно изменил концовку, вызвавшую нарекания в цензуре («И поделом, Осел! ты знай себя, Того не задирай, кто смышленной тебя»).⁴ Басня лишилась общественного смысла и очень потеряла в художественном отношении.

Что еще находилось в тетради Остолопова, от которой осталось три листа, мы не знаем; но, конечно, с ее исчезновением утрачен документ большой ценности: можно думать, что это был сборник бесцензурных произведений, появившихся около 1823 г.

Список Остолопова интересен уже тем, что вышел непосредственно из круга адресатов сатиры. Это не должно нас удивлять. Этика литературной борьбы не препятствовала распространению «сатир на лицо», — скорее, напротив; а Измайлов и его круг были тесно связаны с полемической традицией XVIII в., которая устанавливала определенный ритуал как для сатирического творчества, так и для восприятия и реакции на него. Как мы увидим далее, измайловский кружок будет не только сохранять, но и распространять текст сатиры, и это будет вполне в духе полудомашних отношений в ближайшем окружении баснописца. Через два-три десятилетия такая практика станет в литературном быту почти невероятной.

Список Остолопова содержит любопытное примечание к сатире, опубликованное еще Брюсовым, но оставленное без внимания и не прокомментированное. «В гербе Панаева, данном еще предкам его, — пишет Остолопов, имея в виду стихи 105 и 106 сатиры, — находится свирель. Г. Чесский, прочитав стихи сии, сказал:

Сказать сатирику: за этот суд тебе
Достойно вырезать пук палок на гербе».

Этот «Чесский», заступившийся за Панаева, — конечно, Иван Богданович Чеславский (1790—1844), действительный член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств со второй половины 1820 г. или с начала 1821 г. В первой половине 1820 г. здесь был читан его перевод «Федры» Расина, печатавшийся затем в отрывках в «Бла-

⁴ Апологические стихотворения Николая Остолопова . . СПб, 1827, стр. 5. Тот же текст: «Северная пчела», 1825, № 39, 31 марта

гонамеренном».⁵ 18 декабря 1822 г. он был избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности, — участие его выразилось в том, что в 1823 г. он прочитал здесь несколько отрывков из той же «Федры» и поместил несколько стихотворений в «Соревнователе».⁶ Есть основания думать, что строфа в известных «Певцах 15-го класса» Дельвига и Баратынского:

Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгребал,
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса —

относится к нему, а не к М. Е. Лобанову, как считается обычно.⁷ В 1822 г. Чеславский служил инспектором Театрального училища, в 1823 г. — в Департаменте государственного казначейства, под начальством Измайлова. О выступлениях его против группы Дельвига—Баратынского ничего неизвестно, и только примечание Остолопова называет нам его имя как еще одного адепта «измайловцев».

Таковы имеющиеся источники. Помимо них, в Пушкинском Доме, в архиве графа Д. И. Хвостова, неутомимого собирателя литературных документов, хранятся еще два — неучтенных — списка послания Баратынского.

Один из них был прислан Хвостову А. Ф. Рихтером, членом Вольного общества любителей российской словесности, его постоянным корреспондентом. 11 января 1824 г. Рихтер писал Хвостову из Гомеля: «Из Петербурга один добрый приятель нашего доброго г. Измайлова прислал мне сатиру Баратынского, которая, вероятно, вашему сиятельству уже известна. Несмотря что я большой почитатель сего рода словесности, однакож сия сатира не вся мне понравилась, исключая конец оной, где г. Измайлов со своим причетом изображен со всей желчью сатирика. Надобно признаться, что портрет г. Измайлова лучше всех нарисован и здесь сатирик показал свое искусство и умение чувствовать смешное».⁸ В ту же тетрадь, где находится письмо, подшит и присланный список сатиры; рядом запись Хвостова: «NB. Послание Баратынского хорошо, но жаль, что подленько: многие личности на безмундирного и других препятствуют оное напечатать, и потому я охотно сему площадному творению, в подражание Буало написанному, даю место в записках о словесности».⁹

Второй список вклеен в тетрадь материалов 1822—1823 гг.;¹⁰ в оглавлении Хвостова он обозначен: «Сатира Баратынского, достойная внимания по едкости на известных писателей».¹¹ Список этот, очевидно, сделан с первого, рихтеровского: он повторяет все его разночтения, добавляя к ним ошибки, происходящие от неверного или механического чтения строк с близким графическим рисунком слов: «насмешник» вместо «наместник» (стих 52), «стыд носящая» вместо «стыд поющая» (стих 10). В двух случаях есть иллюзия правки или редактуры: в стихе 22, «Пусть глушь русскую дразнить я буду в них», стоит «бранить» вместо «драз-

⁵ «Благонамеренный», 1820, № 17, стр. 316; № 22, стр. 240; 1821, № 7—8, стр. 10; 1823, № 18, стр. 371. Биографию Чеславского, написанную В. Гарским, см.: Русский биографический словарь, т. Чаадаев—Швитков. СПб., 1905, стр. 359—360.

⁶ В. Базанов. Ученая республика. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 426, 444.

⁷ Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений, т. I, стр. 325; т. II, стр. 299; А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, подготовка текста и прим. Б. В. Томашевского. Л., «Советский писатель», 1959 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 335.

⁸ ИРЛИ, ф. 322 (Д. И. Хвостова), № 71, л. 179.

⁹ Там же, л. 250.

¹⁰ Там же, № 70, л. 9.

¹¹ Там же, л. 1.

нить», а в стихе 39, «Все так, но, к обществу усердьем пламенея», вместо «усердьем» дается «любовью». Ни в одном из других списков этих разночтений нет. Это, конечно, не редактура, а автоматизм сознания: появлени стереотипных формул при запоминании переписываемой строки. Опускаем указания на явные описки. При наличии списка Рихтера эту копию можно не принимать во внимание.

Таким образом, в нашем распоряжении оказываются три источника текста, хранящиеся в Пушкинском Доме: список Остолопова (далее: *Ост*), копия Рихтера, присланная Хвостову (далее: *Хв*), и неполная копия неизвестного происхождения (далее: *ПД*). Четвертый источник текста в ГПБ (далее: *ГПБ*). Для сопоставления необходимо привлечь и печатную редакцию «Стихотворений Евгения Баратынского» (1827) (далее: *Изд. 1827*). Положив в основу список *Ост*, представим разночтения источников в виде сводки:

Ост

- ^а Гнедичу от Баратынского ^а
- 8 ^б Бесславны в ней беды, еще бесславней счастье ^б
 15 Не тою, верю я, ^в в какой ^в иной певец
 20 По-русски галльские осмеивает ^г нравы
 34 Смиряет попыхи надутого глупца ^д
 38 ^е Едва ль полезней нам ^е юстиции министр!
 40 Я смею ль указать на всякого ^ж злодея?
 44 Кому-либо ^з из нас владеть подобным правом?
 55 Однажды с разумом вступи ^з в очную ставку
 57 Уж он готовился обдумать ^и мой совет
 59 Где в двадцати строфах взывается ^и бесстыдно
 66 Вверяет свой корабль ^и неверностям ^и морей
 70 В трудах возвышенных возвышенный поэт ^о
 80 Обширный разумом и ^п сильный, громкий ^п словом,
 81 Любовью ^р к истине и к родине ^р горя
 85 Что мыслили ^о о нем сограждане тогда?
 103 ^т Россия в тишине, а с шумом непристойным ^т
 104 ^у Воюет «Инвалид» с «Архивом» беспокойным. ^у
 105 Сказать Панаеву: ^ф не музами тебе
 106 Позволено свирель напачкать на гербе.
 107 Сказать Имайлову: ^х болтун еженедельный,
 108 Ты сделал свой журнал Парнасской богадельной
 109 И в нем ты каждого убогого умом
 110 ^ц С любовью жалуешь ^ц услужливым листком.
 111 ^ч И Цертелев блажной, и Яковлев трактирный, ^ч
 112 ^ш И пошлый Федоров, и Сомов безмундирный, ^ш
 113 С тобою заключив торжественный союз,
 114 Несут к тебе плоды своих лакейских муз;

^{а-а} Г—чу *Хв.*; в *ПД* название и стихи 1—4 отсутствуют (текст испорчен); во втором списке *Хвостова*: Сатира Баратынского Г—чу; название сатиры не является стабильным; обозначения несомненно не авторские. ^{б-б} В *ПД* нет. ^{в-в} какой *ПД*. ^г описывает *Хв.* ^д певца *Хв.* ^{е-е} Едва ль полезнее *Хв.*; в *ПД* стихи 35—39 испорчены. ^ж каждого *Хв.* ^з Кому-нибудь *Хв.*, *ПД*, *ГПБ*. ^и войдя *Хв.* ^и исполнить *ПД*. ^и вызывает он *Хв.* ^и товар *Хв.* ^и неверности *ПД*; Вверяет корабли случайностям морей *Изд. 1827*. ^о После этого стиха в *Хв* строка точек; в *ПД* стихи 74—78 испорчены. ^{п-п} сильный громким *Хв.*; в *Изд. 1827* как в *Ост*. ^{р-р} к истине и родине *Хв.*; в *Изд. 1827* как в *Ост*. ^о думали *ПД*. ^{т-т} Когда в отечестве все тихо и спокойно *Изд. 1827*. ^{у-у} Одни писатели воюют непристойно! *Изд. 1827*. ^ф Аркадину *Хв.*, *ГПБ*, *Изд. 1827*. ^х Сапайлову *Хв.*, *ГПБ*; Паясину *Изд. 1827*. ^{ц-ц} С любовью дарить *Изд. 1827*. ^{ч-ч} И Фертелев блажной, и Яковлев трактирный *Хв.*; И Фертелев блажной, и Яковлев мудреный *ГПБ*; в *ПД* как в *Ост*; в *Изд. 1827* нет стихов 111—118. ^{ш-ш} И пошлый Федоров, и Арфин безмундирный *Хв.*; И наглый Пасквинель, и Арфин заклеянный *ГПБ*; в *ПД* текст стихов 112—120 испорчен.

- 115 Тобой предупрежден листов твоих читатель,
 116 Что любит подгулять почтенный их издатель,
 117 А я тебе скажу: по мне, пожалуй, пей,
 118 Но ум не пропивай и дело разумей.
 119 Меж тем иной из них, хотя прозаик вялый,
 120 Хоть плоский ^м рифмоплет — душой предобрый малый!
 121 Измайлов, ^н например, знакомец давний мой,
 122 ^к В журнале плоский враль, ругатель площадной, ^м
 123 Совсем печатному домашний не подобен,
 124 Он милый хлебосол, он к дружеству способен:
 125 ^п В день пасхи, рождества, ^п вином разгорячен,
 126 Целует с нежностью глупца другого он;
 127 Панаев ^р в обществе любезен без усилий
 128 И верно ^ю во сто раз ^ю милей своих идиллий
 134 И сострадательный ^а ко слабостям людским
 135 ^а На них указывать не станет он лукаво ^а
 138 ^б Столь нужной верности и разума и глаз ^б
 139 В сообщество людей вступивший ^в безусловно
 142 В них свойство ^г изменить и силу естества
 145 Зачем же — будь умен — ^д он вымолвит ^д глущу

Приведенная сводка открывает возможности для некоторых наблюдений.

Все зарегистрированные в ней источники текста принадлежат первой, допечатной редакции сатиры, но характеризуют два этапа ее распространения. Границей между ними служит общественная реакция на нее. Известен отзыв Пушкина в письме к Дельвигу от 16 ноября 1823 г. из Одессы: «Сатира к Гнедичу» мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; *Сомов безмундирный* непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостью писателя? Это шутка, достойная кол<лежского> советника Измайлова». ¹² Любопытно, что этот отзыв почти совпадает с мнением Хвостова, отметившего то же место сатиры. Барагинский меняет эпитет, а вслед за ним несколько других, соседних, устраняя тавтологии или используя найденное определение («трактирный») в последующих строчках (стихи 120, 121, 125). Этому второму этапу распространения послания, после авторской правки, принадлежит копия *ГПБ*, в которой есть еще одно существенное и явно авторское исправление в стихе 138. Таким образом, мы можем условно говорить о двух допечатных редакциях сатиры: авторские изменения в ней, немногочисленные количественно, были очень существенны.

Первая, начальная редакция представлена тремя списками: *Ост*, *Хв* и *ПД*.

Список *Ост*, по-видимому, наиболее ранний. За исключением перечисленных выше разночтений он почти полностью совпадает с *ГПБ*, что является немаловажным аргументом в пользу точности того и другого текста. Отличаются обозначения адресатов сатиры (о чем речь пойдет особо)

^м жалкий *Изд. 1827*. ^п Сапайлов *Хв, ГПБ*; Шутилов *Изд. 1827*; в *ПД* как в *Ост*. ^{к-м} В журнале плоский враль, ругатель записной *Хв*; В журнале плоский враль, ругатель площадной *ПД*; Трактирный весельчак, ругатель площадной *ГПБ*; В журнале пошлый шут, ругатель площадной *Изд. 1827*. ^{п-в} В свой именинный день *Изд. 1827*. ^р Аркадин *Хв, ГПБ, Изд. 1827*; в *ПД* как в *Ост*. ^{ю-ю} во сто крат *ПД*. ^а снисходительный *Хв, ПД, ГПБ*; И снисходительный к дурачествам людским *Изд. 1827*.

^{н, а-а} На них не станет он указывать лукаво *ПД*. ^{б-б} И верности ума, и правильности глаз *ГПБ*; в *Изд. 1827* полностью изменено. ^в вступивши *Хв, ПД*. ^г свойства *Хв, ПД*. ^{д-д} я вымолвлю *Хв*.

¹² Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. Переписка 1815—1827. Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 75.

и стихи 44, 134 и 139. Во всех трех случаях чтение копии *ГПБ* подтверждается показаниями остальных списков, а для стиха 134—и *Изд. 1827*. Разночтение в этом стихе (в *Ост* «сострадательный») вместо «снисходительный») касается графически близкого слова и легко объясняется ошибкой прочтения; другие случаи — обычные в практике переписывания пропуски коротких слов или замены окончаний.¹³ Таким образом, по исправлении списка *Ост* мы получаем, очевидно, наиболее достоверный для настоящего времени текст начальной редакции.

Копия *ПД* близка к *Ост* и в трех случаях ее исправляет (т. е. совпадает в разночтениях с *ГПБ*): в стихах 44, 134, 139 (стих 114 в ней испорчен). Индивидуальные чтения имеются в ней всего в четырех стихах (стихи 57, 66, 85, 128); в одном стихе — 142—совпадают чтения *ПД* и *Хв*. Все отличия *ПД* от *Ост* — ошибки; три из них — результат того же автоматизма памяти, от которого был свойствен невнимательному переписчику второй хвостовской копии; здесь мы находим словесные «облегченные» стереотипы: «исполнить» совет вместо «обдумать», «думали» вместо «мыслили» и т. п. О происхождении этой копии мы ничего не знаем.

Наименее авторитетным оказывается новонайденный текст *Хв*, хотя он получен непосредственно из кружка Измайлова, располагавшего хорошими списками. Эта копия сделана не писцом, а человеком, близким к литературе; в его сознании существовали не только языковые, но и литературные стереотипы, которые и попадали в текст. Возможно, этот «приятель Измайлова» переписывал послание не один раз, и внимание его уже было притуплено. В целом ряде случаев он отступал от текста настолько, что можно было бы предположить авторский вариант, если бы чтение подтверждалось другими списками. Таков стих 66: «Вверяет свой товар неверностям морей» (речь идет о купце). Однако во всех остальных списках вместо «товар» читается «корабль»; в *Изд. 1827* — «Вверяет корабли случайностям морей».

Еще интереснее стих 122 — об Измайлове: «В журнале плоский враль, рутатель записной». Все остальные списки дают «плоскадной». Разночтение это очень похоже на намеренную редактуру, но тогда непонятно, почему не смягчены другие резкости. Впрочем, в стихе 145 мы можем предполагать редакторскую конъектуру — по смыслу (вместо «он вымолвит» — «я вымолвлю»). В остальных случаях, по-видимому, мы имеем дело с уже знакомым нам фактом инерции сознания, но, условно говоря, на более высоком литературном уровне, со своеобразным подсознательным «сотворчеством» переписчика.

Авторское происхождение разночтений не исключается, конечно, полностью, но очень мало вероятно. Случаи очевидных ошибок как будто подтверждают такой вывод. Ср. в стихе 34: «Смиряет попыхи надутого певца». По контексту и другим спискам несомненно, что чтение «глушца» здесь единственно верное. Нечто подобное наблюдается в стихе 20: «Порусски галльские описывает нравы» (вместо «осмеивает») — под влиянием обычного в критической литературе фразеологизма «описание нравов», «нравоописательная сатира». В списке *Хв* больше всего индивидуальных разночтений — 9; все они смысловые и нигде не являются результатом неправильного прочтения слова. Все это понижает значение этого списка как источника текста. Вместе с тем он становится весьма интересным как исторический, психологический и текстологический прецедент.

---

¹³ См. примеры такого рода в книге Б. В. Томашевского «Писатель и книга» (Л., «Прибой», 1928)

Здесь нам приходится обратить внимание на одну особенность списка *Хв*: в нем зашифрованы имена литературных противников Баратынского — Цертелева, Сомова, Измайлова и Панаева, совершенно так же, как в поздней редакции *ГЛБ*. Другие списки — *Ост*, *ПД* — называют их прямо.

Обстоятельство это, которое может показаться маловажным, на самом деле весьма существенно. Сатира имела широкое хождение. Зашифрованные — хотя и узнаваемые — имена были традиционны в сатирах «на дурных писателей» еще в XVIII в. (ср. «Сатиру I» В. В. Капниста, появившуюся в таком виде и в печати). Введение подлинных имен адресатов опускало сатиру на уровень пасквиля. Такова была условность литературной этики, уходившая своими корнями в свойственные еще XVIII в. представления о литературном обобщении.

Список *Хв* показывает нам, что сатира распространялась с зашифрованными именами. Нет сомнения, что так было и в исходном автографе Баратынского, о чем говорит и самый характер шифра. По-видимому, совершенно справедливо предположение М. Л. Гофмана, что в осведомленных литературных и читательских кругах шифры раскрывались при переписывании. Так, видимо, произошло в списке *ПД*. То же сделал Дельвиг, посылая сатиру Пушкину, или сам Пушкин при цитации. Наиболее яркий пример — список *Изм*, владельца которого адресаты сатиры интересовали в первую очередь. Однако степень зашифрованности и самый характер шифра неодинаковы, как неодинаковы и стоящие за ними литературные отношения Баратынского.

Часть имен шифруется в соответствии с традицией сатир XVIII в., т. е. по близости звучания. Это Сапайлов — Измайлов и Фертелев — Цертелев. Они — преимущественно литературные противники, и вражда с ними не выходит за границы литературной полемики. Резкость нападок на Измайлова уравнивается добродушно-снисходительными пассажами о личности «милого хлебосола». Совершенно такое же отношение к «старшему брату по Каменам» в полемическом послании Дельвига «К А. Е. И.» 1822 или 1823 г.

Вторая группа имен вовсе не зашифрована. Это Б. Федоров и П. Л. Яковлев. По отношению к ним тон резко пренебрежителен. Федоров при вторичной зашифровке получит наименование «наглый Пасквинель». Это понятно: Федоров считался литературным парией даже в измайловском кружке; его именовали «Борькой», и продукцию его иной раз не принимали всерьез даже литературные единомышленники. Несколько сложнее обстояло дело с Яковлевым — «трактирным Яковлевым», как определяет его Баратынский. Племянник Измайлова, он принадлежал вначале к дельвиговскому кружку; позднее его дружеская связь с Измайловым все более крепнет, и к 1823 г. он один из ближайших его adeptов и сотрудников.¹⁴ Резкость отзыва о нем не совсем ясна; при переработке она нейтрализуется.

Наконец, третья группа имен имеет «фиктивный шифр». Она наиболее интересна. К ней относятся В. И. Панаев — «Аркадин» и О. М. Сомов — «Арфин». Они обозначены псевдонимами «Общества любителей словесности и премудрости» — салона С. Д. Пономаревой, под которыми члены выступали и в печати (в «Благонамеренном»). По существу, здесь имена названы прямо, но только для членов небольшого кружка. Некоторые обстоятельства заставляют думать, что отношение сатирика к ним наиболее враждебно.

¹⁴ И. Медведева. Павел Лукьянович Яковлев и его альбом — Звенья, т. VI, М.—Л., «Academia», 1936, стр. 114—122.

По отношению к Сомову справедливость этого утверждения, вероятно, не нуждается в специальных доказательствах. Эпитет «безмундирный» — явная «личность». Сомов не служил и постоянно нуждался в деньгах. Намек был бы бестактен, если бы он не был ответом на еще более бестактные нападки Сомова на «унтерский мундир» Баратынского — знак постигших того репрессий и солдатчины.¹⁵ Баратынский изменил эти строки, как уже упоминалось, под воздействием общественного мнения, и, весьма вероятно, не только мнения Пушкина. Как раз в 1823 г. проблема независимости писателя широко дебатруется в Вольном обществе любителей российской словесности; отзывы этих дебатов мы находим в целой серии посланий к Гнедичу (Воейкова, Рыльева, Плетнева и др.), в полемике вокруг «Ободрения» Б. Федорова, в переписке Пушкина с Бестужевым и т. д. Общественное звучание строк Баратынского в этих условиях было одиозным. Однако изменив их, поэт усилил резкость характеристики («Арфин заклеянный»).

Если полемика с Сомовым носила открыто памфлетный характер с обеих сторон, то с Панаевым она шла подспудно, начавшись какими-то столкновениями еще в салоне Пономаревой. Панаев был одним из вдохновителей кампании против молодых поэтов. Он никогда не выступал против них печатно, но по нескольким разрозненным фактам мы можем судить о непрерывно растущей взаимной недоброжелательности. Панаев задел в эпиграмме Баратынского «Идиллик новый на искус» и в «Певцах 15-го класса». Он свел с Баратынским давние счеты в исключительной по тенденциозности и враждебности характеристике поэта в своих поздних мемуарах. Памфлетный портрет Баратынского граничит здесь с пасквилем: Панаев обвинял своего врага в аморализме, не без злорадства упоминая о юношеском его проступке; друзья Баратынского выступили с печатными протестами.¹⁶

В *Изд. 1827* Баратынский исключил из сатиры стихи 111—118: о Яковлеве, Сомове, Федорове, Цертелеве. Борьба с ними отошла в прошлое. Единый облик Измайлова — издателя журнала и полемиста — распался на два: издателя «Паясина» и критика «Шутилова»; реальный прототип сделался трудно узнаваемым. Единственным лицом, названным прямо, своим литературным псевдонимом начала 1820-х годов, остался Аркадин — Панаев.

За всем этим стоит какой-то эпизод литературных и, быть может, личных отношений, не вполне для нас ясный, может статься и не документированный, — эпизод, насыщенный внутренним драматизмом. Не он ли отразился в пренебрежительной враждебности отзывов о Панаеве Пушкина, почти с ним не сталкивавшегося? Здесь мы можем только строить предположения.

Печатавая свою сатиру в собрании стихотворений 1835 г., Баратынский полностью убрал из нее следы литературной полемики. Как и другие поздние редакции ранних стихов, она получила обобщенный смысл. Однако создание ее и распространение неразрывно связаны с литературно-общественной борьбой 1820-х годов, в которой она составляет достойный пристального внимания эпизод. Ранние списки ее — первостепенный, а в ряде отношений и единственный материал для изучения этого эпизода, открывающий дальнейшие пути для его общей историко-литературной оценки. Но это уже особая тема.

¹⁵ См. об этом в комментариях И. Н. Медведевой в кн.: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений, т. 2, стр. 248.

¹⁶ Ср.: В. Панаев. Воспоминания. — «Вестник Европы», 1867, № 12, отд. 1, стр. 179—181; Н. Путьга. Заметки на воспоминания В. И. Панаева. — Там же, 1868, № 1, стр. 141—146; П. Кичеев. Еще несколько слов о Баратынском. — «Русский архив», 1868, № 6, стр. 866.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 1972 ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1974